

7. Плотникова А. А. Кладбище / А. А. Плотникова // Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. – М., 1999. – Т. 2. – 702 с.
8. Энциклопедия символов / сост. В. М. Рошаль. – М. : ACT ; СПб. : Сова, 2006. – 1007 с.
9. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / авт.-сост. В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. – М. : Астрель ; ACT, 2008. – 556 с.

References

1. Agapkina T. A. Nevskaja L. G. *Gost'* [Guest]. *Slavjanskie drevnosti: jetnolinguisticheskij slovar'*: in 5 vol. [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 vol.]. Moscow, 1995, vol. 1, pp. 531–533.
2. Vacuro V. Je. *Literaturno-filosofskaja problematika povedi Karamzina «Ostrov Bornol'm» II XVIII vek* [Literary and philosophical issues of the novel Karamzin's "The Island of Bornholm" II the Eighteenth century]. Ed. by P.N. Berkova, G.P., Makogonenko, I.Z. Serman. Leningrad, Nauka publ., 1969. Sb. 8: *Derzhavin i Karamzin v literaturnom dvizhenii XVIII – nachala XIX veka* [Col. 8: Derzhavin and Karamzin in the literary movement of the XVIII – early XIX century], pp. 190–210.
3. Elepova M. Ju. *Receprija ossianizma v russkoj poeziji pervoj treti XIX veka* [Reception of ossianism in Russian poetry of the first third of the XIX century]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University], 2012, no. 2, pp. 69–73. (Serija: *Gumanitarnye i social'nye nauki* [Series: Humanities and social Sciences]).
4. Zav'jalova E. E. *Igrovaja pojetika romana N.M. Karamzina «Rycar' nashego vremeni»* [Play poetics of the novel N.M. Karamzin "The Knight of our time"]. *M.N. Karamzin: russkaja i nacional'nye literatury* [M.N. Karamzin: Russian and national literature]. Ed. by G.R. Gasparyan. Yerevan, Lusabac publ., 2016, pp. 148–160.
5. Karamzin N. M. *Marfa-posadnica* [Marfa-posadnitsa]. Leningrad, Hudozhestvennaja literature publ., 1989, 432 p.
6. Karamzin N. M. *Sochinenija: in 2 vol.* [Works: in 2 vol.]. *Avtobiografija. Pis'ma russkogo puteshe-stvennika. Povesti* [Autobiography. Letters of a Russian traveler. The story]. Leningrad, Hudozhestvennaja literature publ., 1983, vol. 1, 672 p.
7. Plotnikova A. A. *Kladbishhe* [Cemetery]. *Slavjanskie drevnosti: jetnolinguisticheskij slovar'*: in 5 vol. [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 vol.]. Moscow, 1999, vol. 2, 702 p.
8. Roshal' V. M. *Jenciklopedija simvolov* [Encyclopedia symbology]. Moscow, AST publ.; St. Petersburg, Sova publ., 2006, 1007 p.
9. Andreeva V., Kuklev V., Rovner A. *Jenciklopedija. Simvoli, znaki, jemblemy* [Encyclopedia. Wolf characte, signs, emblems]. Moscow, Astrel'; AST publ., 2008, 556 p.

**«ПРАКТИКА СЕБЯ» И УЧИТЕЛЬСТВО
КАК ФОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
(«ИДИОТ», «БЕСЫ», «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»)**

Курдюкова Анастасия Александровна, аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: quenk@mail.ru.

В данной статье мы рассматриваем такие формы поведения персонажей Ф.М. Достоевского как «практика себя» и учительство на материале романов «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы». В ходе исследования нами было выявлено, что многие герои Достоевского зачастую находятся лишь в начале пути личностного самосовершенствования, чем и объясняется порывистость их поведения, скрытая мотивировка поступков. Удвоение носит моделиру-

щий характер. Оно проявляется на уровне поступков, жестов. Нередка удвоенность и самих субъектов повествования. Помимо этого, нами было рассмотрено учительство и поведенческая модель «учитель – ученик». Формальный подход примененный в данной статье направлен на уяснение поэтики Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: формы поведения, «практика себя», самосовершенствование, учительство, Достоевский

**“PRACTICE OF YOURSELF” AND TEACHING AS BEHAVIOR FORMS
OF DOSTOEVSKY’S CHARACTERS
 (“THE IDIOT”, “DEMONS”, “THE BROSERS KARAMAZOV”)**

Kurdyukova Anastasia A., Postgraduate Student, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischchev st., e-mail: quenk@mail.ru.

In this article we scrutinize such forms of behavior of the characters F.M. Dostoevsky as “the self-practice” and teaching on the material of the novels “The Idiot”, “Demons”, “The Brothers Karamazov”. In the course of the study, we found that many of Dostoevsky’s characters are often only at the beginning of the path of personal self-improvement, which explains the impetuous nature of their behavior, the hidden motivation of actions. Doubling has a modeling nature. It manifests itself at the level of actions, gestures. There is often a duplication of the subjects of the narrative. In addition, we examined the teaching and behavioral model of “teacher-student”. The formal approach applied in this article is aimed at understanding the poetics of F.M. Dostoevsky.

Keywords: forms of behavior, “self-practice”, self-improvement, teaching, Dostoevsky

Своеобразие поведения персонажей Ф.М. Достоевского неоднократно отмечалась исследователями. Достаточно подробно описано шутовство персонажей [6]. В данной статье мы попытаемся описать такие формы поведения как «практика себя» и учительство. Но прежде следует напомнить одну важную для нашего исследования мысль Е. Фарино «В поведении многих персонажей Достоевского есть одна чрезвычайно знаменательная черта – удвоенность некоторых их поступков, сопровождаемая часто и удвоенностью объектов» [8, с. 247]. Традиционно удвоенность объектов рассматривается через призму двойничества: Смердяков – двойник Ивана Карамазова и т.д. Мы попытаемся дать другое толкование повторений. Сначала рассмотрим значение удвоения в поведении Петра Верховенского и Николая Ставрогина. Когда Ставрогин понимает зачем Петру кровь Шатова, он говорит, что не допустит убийства Шатова. А.Л. Бем в своей работе «Эволюция образа Ставрогина» писал, что Достоевский не желает допустить Ставрогина до крайней черты нравственного падения [2, с. 639], ведь при жизни самого писателя глава «У Тихона» не была опубликована, и Ставрогин для первых читателей не был совратителем малолетней девочки. Нежелание допустить убийство является «жизненно существенным решением» Николая. Пути Ставрогина и Верховенского начинают расходиться, Николай против методов Петра. И именно здесь Петр Степанович уподобляется каторжнику: «Слушайте, у меня в сапоге, как у Федьки, нож припасен...» [3, с. 418]. Удвоение происходит на уровне поступков: Петр поминутно забегает и хватает за локоть Николая. В этом фрагменте мы видим Верховенского без маски, не владеющего собой. Заметим, что таким же образом бежал за Петром один из его приспешников.

Поступки Мити Карамазова тоже удваиваются, например, он дважды пиรет в Мокром, опять закупив припасов на кругленькую сумму в лавке Плотниковых. Удваивается при этом характерный жест Мити, способ держать

деньги, раскрывающий сущность его стихийной натуры: «помнили, что так же, как и теперь, в руках его торчала целая пачка радужных и он разбрасывал их зря» [4, с. 463]. Груша Светлова повторяет поступок Мити: «Помнишь, как ты раз у меня пил и бокал разбил? Запомнила я это...» [4, с. 504], тем самым показывая, что выбор сделан в его пользу. Примечательно что автор сам указывает на повторяемость действия: «помнили, что так же, как и теперь», «Помнишь, как ты раз...», тем самым подчеркивая его значимость, судьбоносность. Ранее Иван в главе «Великий инквизитор» Иван выказывает намерение после тридцати «кубок об пол!» разбить, о чем он сообщает дважды Алеше [4, с. 304].

С одной стороны, рассредоточенность во времени и разбиение на фазы можно считать внешним проявлением внутренней борьбы. Но на наш взгляд удвоение связано с практикой себя.

Практика себя как форма поведения уходит корнями в античность. М. Фуко в книге «Герменевтика субъекта» описывает некоторые характерные черты этого явления, возникшие в I-II вв. нашей эры [9]. Практика себя становится неотъемлемой частью моральных установок на протяжении всей жизни человека, и в особенности важной для зрелого человека. Практика себя стала играть уже не образовательную, а критическую роль, речь шла уже не о наставлении, а об исправлении. Практика себя удалилась от педагогики и стала ближе медицине.

Почему же нас, как исследователей, интересует практика себя? Дело в том, что поведение героев Ф.М. Достоевского обусловлено практикой себя. Герои Достоевского хоть и не примерные христиане, тем не менее, носители христианского сознания, этика которого восходит к эллинистическому и римскому периоду. Более того, многие персонажи Достоевского тяготеют истероидному типу, их поведение освещается через призму болезни.

«Цель практики себя – я сам. Только некоторые способны быть собой...» [9]. В эллинскую эпоху возможность практики себя была у тех, кто принадлежал к закрытой группе, например к религиозной, или же имел досуг. Верховенский и Ставрогин до событий разворачивающихся в романе состояли в тайном обществе, Петр был в чем-то уличен и выслан из страны, а о Николае говорится, что он даже писал устав этого общества. Помимо этого, они, как и Дмитрий Карамазов, ведут образ жизни праздный, занятый серьёзных у них нет, следовательно, досуг имеют. Про брата Ивана Митя говорит, что он «масон», сам Иван упоминает их в своей беседе с Алешей, а тот высказывает и свое предположение: «Ты, может быть, сам масон!» [4, с. 303]. Напомним, что главной деятельностью масонов является самоусовершенствование. Во всяком случае, отношение к себе выступает целью практики себя. «Такая цель – это последняя цель жизни, но редко кто руководствуется ею (в том числе и Верховенский)... редкая форма жизни для некоторых. Это пустая форма великой трансисторической категории – категории спасения» [9]. Поэтому практика себя связана с вопросом об отношении к другому, как к посреднику между формой спасения и содержанием. Другой необходим в практике себя для того, чтобы определяющая эту практику форма на самом деле достигла цели, обретя свой предмет, который есть я сам. Чтобы практикование привело себя к этому «я сам», в которое оно метит, нужен кто-то еще [9].

Поэтому, на наш взгляд Смердякову нужно негласное одобрение Ивана убийства Федора Павловича, знаком которому служит отъезд сына из Скотопригоньевска, а Петру необходим Николай Ставрогин: «он видел почти другое лицо. Интонация голоса была не та: Верховенский молил, упрашивал» [3, с. 417].

Без него Верховенский боится не достигнуть цели, Николай как будто бы оправдывает его существование. «Петр Степанович вдруг вспомнил, как он еще недавно семенил точно так же по грязи, чтобы поспеть за Ставрогиным, который, как и он теперь, шагал по средине, занимая весь тротуар» [3, с. 550],

а Липутину и ему подобным необходим Верховенский: «Петр Степанович шагал по средине тротуара, занимая его весь и не обращая ни малейшего внимания на Липутина, которому не оставалось рядом места, так что тот должен был поспевать или на шаг позади или, чтобы идти разговаривая рядом, сбежать на улицу в грязь» [3, с. 549–550]. В романе «Братья Карамазовы» функции другого часто выполняет Алеша, он помогает произвести суд над собой, но сам не осуждает, он выступает эталоном, с которым персонажи сравнивают себя. Желающие совершенствоваться в духовном плане призывают его к себе «ожаждут» его (Митя, Грушенька, Катерина Ивановна, Лиза Хохлакова), нежелающие – ненавидят и гонят прочь (Иван и Ракитин). Примечательно, что Иван сначала сторонится брата, потом решается с ним поговорить начистоту в трактире, а после известия об убийстве отца вновь избегает.

М. Фуко выделяет три типа отношения к другому, три типа учительства, без которого невозможно формирование человека. В первом типе «другой – образец поведения, пример... великие люди» [9]. Самыми яркими и полноценными примерами может служить старец Зосима и Алеша Карамазов. Невольные попытки учительствовать совершают и князь Мышкин будучи в Швейцарии: «Я, пожалуй, и учил их (детей), но я больше так был с ними» [5, с. 73]. В доме генерала Епанчина он признается: «... и в самом деле мысль имею поучать» [5, с. 65]. Если Мышкин трактуется как воплощение Христа, то Рогожин – как Антихрист, который также собирает вокруг себя «человек десять или двенадцать» [5, с. 122]. Лев Николаевич привлекает душевным теплом, искренностью, непорочностью, Парфен – богатством, кутежом, но и широтой русской души тоже. Вспомним, как он обещает помочь князю при их первой встрече. За Мышкиным идут дети, самые чистые создания в системе ценностей самого Достоевского, за Рогожиным мужчины навеселе и «две какие-то дамы»: «Компания была чрезвычайно разнообразная и отличалась не только разнообразием, но и безобразием» [5, с. 122]. Более подробно ознакомиться с чертами Христа в образе князя Мышкина можно в статье Л. Мюллер «Образ Христа в романе Достоевского «Идиот»» [7].

Учитывает и Степан Трофимович Верховенский, это его способ заработать на жизнь. С одной стороны, он занимался «воспитанием и всем умственным развитием» Николая Всеволодовича [3, с. 15] за «блестательное вознаграждение» [3, с. 15], с другой, первым обратил внимание на воспитание Даши Шатовой и делал это бескорыстно. Он занимался и с Лизой Тушиной в течение трех лет. Рассказчик отмечает, что «Степан Трофимович учил ее без вознаграждения и ни за что бы не взял его от Дроздовых». Учил он и Шатова. Так же, как и к Мышкину, «удивительно, как к нему привязывались дети!» [3, с. 76], «он и сам был ребенок» [3, с. 44]. Помимо этого, с Мышкиным его роднит его беззащитность, по словам Варвары Петровны: «его стоит за беззащитность его любить» [3, с. 73].

Вокруг Степана Трофимовича собирается кружок друзей-единомышленников либералов. То, что они находятся в отношениях учитель – ученики, подтверждается словами рассказчика: «Мы аплодировали учителю нашему» [3, с. 42], «Он исполняет высший долг пропаганды идей» [3, с. 38], «В Бога учитель наш веровал» [3, с. 42]. В кружок входили еже немолодой Липутин, молодые Шатов, Виргинский, рассказчик.

Есть несколько моментов, сближающих учительство Верховенского-старшего с мышкинским:

- 1) учит детей бесплатно (Лизу Тушину, Дашу Шатову и ее брата);
- 2) его называют ребенком;
- 3) его лучшие друзья дети (Николай в детстве, рассказчику в отцы годится);
- 4) беззащитен;
- 5) вокруг него собираются ученики (его кружок); живет вспоможением (давно не учит Ставрогина, его содержит Варвара Петровна);

- 6) пропагандирует высокие идеи;
- 7) ничего не таит от ребенка (расстроил нервы воспитаннику);
- 8) результаты воспитания и пропаганды неоднозначны.

Но имеются и отличия:

- 1) учительство как профессия (учит Ставрогина за жалование);
- 2) его ученики – люди взрослые, они же его товарищи, собеседники (хотя

Мышкин пытается проповедовать в доме Епанчиных трем девицам и их матушке). По отношению к детям Мышкин считает себя лучшим учителем, чем их школьный, у него они все понимают, он обучает их грамоте, и моральным ценностям.

К старцу Зосиме на беседу съезжаются люди светские, даже дамы, крестьяне, не говоря уже о монастырских и послушниках. Автор подчеркивает его незлобивость, улыбчивость. В воспоминаниях Зосимы показан его путь нравственного самосовершенствования, упоминается, что для Зосимы в детстве послужил примером любви к божьему миру его старший брат.

Образцом поведения для детей служит Алеша Карамазов. Он не отвечает злобой на злобу, когда Илюша Снегирев в него бросает камень и даже кусает за пальцы. Он и мальчиков призывает прекратить войну, а затем и полюбить несчастного от всего сердца. В конце романа в своей речи у камня он обращается с речью к 12 мальчикам, так как Алеша христоподобная фигура. Алеша призывает детей сохранить в своем сердце память об этой дружбе, о любви к ближнему, и сам обещает запомнить и утешаться этим воспоминанием. Так утверждается важность памяти, очищенного и очищающего образа воспоминания как способа сохранения и, при необходимости, восстановления нравственного и духовного здоровья.

В отношениях «учитель – ученик» находятся Иван Карамазов и Павел Смердяков. Согласно Бахтину Смердяков слушает «проповедь о том, что все позволено, как слово призванного и уверенного в себе учителя» [1]. Слуга принимает уверенный тон Ивана за чистую монету, и что Карамазов желает передачи своих взглядов другому, тогда как в первую очередь этот тон призван убедить себя самого в правомерности теории «все позволено».

Аналогично отношение Шатова, Кириллова и Петра Верховенского к Ставрогину. Каждый из них идет за Ставрогиным как за учителем, принимая его голос за цельный и уверенный. Все они думают, что он говорил с ними как наставник с учеником. Николай Ставрогин служит образцом для Петра Верховенского, этим вызвано подобострастие последнего. Но если по отношению к Николаю Петр – ученик, то по отношению к «пятерке» он учитель, носитель какой-то тайны, связующее звено с прогрессивной элитой. Петр Степанович не является представителем второго типа учительства, так как он не обучает «пятерку»: «не хотел удовлетворить их законного любопытства и лишнего ничего не рассказывал» [3, с. 393]. Верховенский реализует третий тип учительства – создание трудных ситуаций и поиски выхода из них. Верховенский уговаривает Юлию Михайловну, губернаторшу, организовать благотворительный бал в пользу губернанток, при этом заставляя сообщников проделывать различные фокусы, например, такой как чтение стихотворения Лебядкина Липутиным. Оратор и сам не ожидал такого эффекта от прочтения стихотворения. Верховенский никогда не объясняет, для чего он дает задание подчиненному, на этом и строится его игра с людьми, игра на основе неведения.

Говоря о Петре Верховенском как об ученике по отношению к Ставрогину, следует отметить, что он как субъект плохо образован, испорчен, находится во власти дурных привычек [9]. То, к чему он должен стремиться, это некий статус субъекта, которого у него никогда в жизни не было [9]. Действительно, будучи ребенком, Петруша не видел отца. Несчастный сирота, не знаяший ни отца, ни матери, с грудного возраста живший где-то в глухи «утеток», ребенок, высланный отцом с глаз долой. Петр жаждет самоутверждения.

ния, использует ореол власти и таинственности в «пятерке». Он должен учредить себя в качестве субъекта, и вот тут-то и нужен кто-то другой. Например, успешный, образованный, прославленный, богатый Ставрогин. Он нужен Петру не как тот, кто учит запоминать, а как специалист по переустройству индивида, по формированию из него субъекта. Схожая ситуация с Павлом Смердяковым, который хоть и рос вблизи предполагаемого отца и был им обласкан в меру душевных возможностей самого Федора Павловича, дворянского титула не имел, но жаждал самоутверждения. Лакей так же, как и Верховенский, ищет такого «специалиста» и находит его в приехавшем из Москвы Иване Карамазове.

Такими видят Николая и Ивана «страждущие». Таковыми Ставрогин и Карамазов не являются. Сначала рассмотрим поступки первого. Он в 1867 г. начал оказывать влияние на Шатова и Кириллова, которое привело их к духовному кризису, участвует в тайном обществе и пишет его устав, в 1868 г. отказывается от российского подданства. Но все это не дает ему удовлетворения. Он вновь возвращается в Россию. Карамазова уличают в двуличии, ведь он одновременно верит и не верит в Бога, его то называют масоном, то подозревают в желании примкнуть к иезуитам и исправлять Слово Божие.

Это говорит о смятении мыслей как о вполне обычном состоянии. Согласно Сенеке «это мельтешение и неспособность остановиться на чем-то одном... никто не здоров настолько (*satis valet*), чтобы самому выбраться (выйти – *emergere*) из этого состояния. Нужно, чтобы кто-нибудь протянул ему руку и вытащил...» [9]. Поэтому Николаю нужны Даша или Лиза как сиделки: «не хочу я быть вашею сердобольною сестрой... хотя и вы, конечно, всякого безногого и безрукого стоите...» [3, с. 523]. Ивана Карамазова после горячки выхаживает Катерина Ивановна, забирает его к себе, хоть это и нарушение общепризнанных норм.

Речь идет именно о плохом или хорошем здоровье, т.е. об исправлении, выпрямлении. Это “*stultitia*” – патологическое, болезненное состояние, из которого надо выйти. Это состояние тех, кто и на путь философии еще неступил, и собой заниматься не начал [9]. Только в конце романа Николай просит Дашу уехать с ним заграницу, в одинокий дом на скале. Так выражается его стремление к реализации практики себя.

Ранее Ставрогин был открыт всем веяниям. Все эти чужие представления он принимал без разбора. “*Stultus*” позволяет впечатлениям проникать в его душу и смешиваться с переживаниями, влечениями, амбициями, иллюзиями и т.д. Этим объясняются и неожиданная женитьба на хромоножке, и укус за ухо, и многие другие странности Николая. Мотивы неосознанности, бесцельности, беспричинности возникают в сцене подглядывания и подслушивания перед роковым отъездом Ивана. “*Stultus*” попусту расходует жизнь, непрестанно меняя свой взгляд на вещи. Таким образом, его жизнь протекает без вмешательства памяти и воли. Вспомним, как Смердяков забросил занятия историей по учебнику Смарагдова, не осилив и 15 страниц. Отсюда тяга к изменению образа жизни: лакей все мечтает уехать во Францию, а Ставрогин совершает странные поступки («рассказывали только о какой-то дикой разнуданности, о задавленных рысаками людях, о зверском поступке с одною дамой...») [3, с. 46]. Николай даже жил вnochлежках.

Упомянутые в статье персонажи достигают разных результатов на пути «практики себя». Старец Зосима проживает достаточно долгую жизнь, для многих является наставником, помогает людям, умирает с хвалою Божьему миру. Алеша, пережив смерть старца и отсутствие явных признаков его святости, исполняет его волю и идет в мир, где первым его деянием становится наставление детей на путь любви к ближнему. Сочувствие князя Мышкина достигает того предела, где его личность разрушается, и он впадает в идиотизм. Иван Карамазов впадает в горячку из-за угрызений совести, но все же

это добрый знак, значит не «все позволено». Митя, хоть и соглашается на побег в Америку, признает, что это будет еще худшей каторгой, и даже грозится глаз выколоть, лишь бы Грушу в Россию привезти. Петр Верховенский сбегает из города. Николай Ставрогин и Павел Смердяков кончают жизнь самоубийством.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/dostoevsky/bahtin/08.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 14.06.2017).
2. Бем А. Л. Эволюция образа Ставрогина / А. Л. Бем // Бесы : роман в 3 ч. Бесы: антология русской критики. – М. : Согласие, 1996. – С. 639.
3. Достоевский Ф. М. Бесы / Ф. М. Достоевский. – М. : ЭКСМО, 2013. – 704 с.
4. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. – М. : Дрофа ; Вече, 2002. – 912 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).
5. Достоевский Ф. М. Идиот / Ф. М. Достоевский. – М. : Дрофа ; Вече, 2002. – 688 с. – (Библиотека отечественной классической художественной литературы).
6. Клейман Р. Я. Сквозные мотивы творчества Достоевского в историко-культурной перспективе / Р. Я. Клейман. – Кишинев : Штиница, 1985.
7. Мюллер Л. Образ Христа в романе Достоевского «Идиот» / Л. Мюллер // Проблемы исторической поэтики. – 1998. – № 5.
8. Фарино Е. Введение в литературоведение / Е. Фарино. – М. : РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – 639 с.
9. Фуко М. Герменевтика субъекта / М. Фуко. – М. : Наука, 2007. – Режим доступа: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/28840/ogl.shtml>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 14.06.2017).

References

1. Bahtin M. M. *Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's work]. Available at: <http://www.vehi.net/dostoevsky/bahtin/08.html>. (Accessed: 14.06.2017).
2. Bem A. L. *Jevoljucija obraza Stavrogina* [The evolution of the image of Stavrogin]. *Besy: roman v 3 ch.* [Demons: a novel in 3 parts]. *Besy: antologija russkoj kritiki* [The devils: an anthology of Russian criticism]. Moscow, Soglasie publ., 1996, p. 639.
3. Dostoevskij F. M. *Besy* [Demons]. Moscow, JeKSMO publ., 2013, 704 p.
4. Dostoevskij F. M. *Brat'ja Karamazovy* [The Brothers Karamazov]. Moscow, Drofa publ.; Veche publ., 2002, 912 p. (*Biblioteka otechestvennoj klassicheskoy hudozhestvennoj literatury* [Library Russian classic literature]).
5. Dostoevskij F. M. *Idiot* [Idiot]. Moscow, Drofa publ.; Veche publ., 2002, 688 p. (*Biblioteka otechestvennoj klassicheskoy hudozhestvennoj literatury* [Russian classic literature]).
6. Klejman R. Ja. *Skvoznye motivy tvorchestva Dostoevskogo v istoriko-kul'turnoj perspektive* [Through the motives of Dostoevsky's work in historical and cultural perspective]. Chisinau, Shtinica publ., 1985.
7. Mjuller L. *Obraz Hrista v romane Dostoevskogo «Idiot»* [The image of Christ in Dostoevsky's "Idiot"]. *Problemy istoricheskoy pojetiki* [Problems of historical poetics], 1998, no. 5.
8. Farino E. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary studies]. Moscow, RGPU im. A.I. Gercena publ., 2004, 639 p.
9. Fuko M. *Germenevtika subekta* [Hermeneutics of the subject]. Moscow, Nauka publ., 2007. Available at: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/28840/ogl.shtml>. (Accessed: 14.06.2017).